

811-01
88-8

Послещи
Дѣха Твое
го, и сози
ждется, и
обновиши
лице земли.
Пѣ: рѣ. ѿ.

МУШЕПЯЗНИС

ЧТЕНІЕ

годъ сорокъ третій.

1902.

СЕНТЯБРЬ.

Не ѡхотѣѣмъ
помъ живъ
вдѣтъ чело
вѣкъ, но ѡ
всѣмъ гла
голю, и сродѣ
щамъ изохотѣ
бѣмъ мѣдѣ

ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ПО ВЫДАЮЩИМСЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *).

IX. Народъ.

Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы не коснулись глубокихъ переменъ, происшедшихъ и въ народѣ въ послѣдніе десятилѣтія, подъ вліяніемъ съ одной стороны сближенія (или, по крайней мѣрѣ, попытки сближенія) съ нимъ интеллигенціи, а съ другой, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе различныхъ экономическихъ и общественныхъ причинъ, имѣвшихъ мѣсто со времени уничтоженія крѣпостного права и потрясшихъ и разшатавшихъ весь строй народной жизни.

Попытки либеральной интеллигенціи сблизиться съ народомъ, начавшіяся главнымъ образомъ съ шестидесятихъ годовъ и неослабно продолжающіяся и донинѣ, выражались и выражаются главнымъ образомъ въ «просвѣщеніи» народа преимущественно въ либеральномъ духѣ, главнымъ образомъ путемъ изданія книгъ и устройства школъ для народа, — а со стороны крайнихъ либеральныхъ просвѣтителей еще и въ «хожденіи въ народъ» и пропагандѣ всевозможными путями идей социализма. Это сближеніе интеллигенціи съ народомъ происходило и происходитъ у всѣхъ

*) Окончаніе. См. ноябрьскую кн. *Душепол. Чтенія* 1902 г.

на глазахъ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно и многократно изображалось въ литературѣ. Мы отчасти коснулись его въ началѣ нашего очерка и уже не будемъ болѣе говорить о немъ.

Гораздо интереснѣе прослѣдить измѣненія въ народной жизни и народномъ характерѣ, происшедшія послѣ отмѣны крѣпостного права и отразившіяся на народѣ, какъ и на помѣщикахъ, глубокимъ оскудѣніемъ его благосостоянія, какъ это и выражено въ извѣстныхъ словахъ Некрасова:

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, разскочилась—
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику.

Причинъ этого оскудѣнія мы, разумѣется, не будемъ касаться (это совсѣмъ не входитъ въ нашу задачу); отмѣтимъ только, что послѣ распаденія этой «желѣзной цѣпи», т.-е. крѣпостного права, сковывавшей жизнь народа, стало замѣчаться, вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія, крайнее ослабленіе въ народѣ семейныхъ началъ, слѣдствіемъ чего были раздѣлы и распаденіе семьи; а извѣстно, что и добрыя нравственные начала и матеріальное благосостояніе народа зависѣли и зависятъ прежде всего и главнѣйшимъ образомъ отъ крѣпости и многолюдства семьи. Оскудѣніе это совпало какъ разъ съ расцвѣтомъ фабричной промышленности и желѣзнодорожнаго дѣла. Сотни тысячъ лишнихъ и не желавшихъ оставаться въ деревнѣ людей потянулись на фабрики и заводы и на всевозможныя занятія и должности въ большіе города и тамъ сразу столкнулись со всѣми прелестями новѣйшей трактирной цивилизаци и со всею испорченностью городской жизни. Не устояла противъ соблазновъ традиціонная народная нравственность, и начался развратъ, который, подобно эпидеміи, быстро занесенъ былъ изъ городовъ и въ деревни. Десятки тысячъ подростковъ, оставшихся безъ всякаго надзора и руководства въ большихъ городахъ, гдѣ широко

раскрыты почти круглыя сутки пасти портерныхъ, трактировъ и иныхъ еще болѣе худшихъ притоновъ, со всевозможными азартными играми, гдѣ на каждомъ шагу тысячи различныхъ соблазновъ, — развращаются и погибають здѣсь и становятся никуда негодными людьми. Съ другой стороны, желѣзныя дороги вывезли изъ деревень запасы хлѣба, скирды и кладушки, стоявшіе у зажиточныхъ и запасливыхъ хозяевъ едва не десятки лѣтъ, обмолотивъ ихъ машинами и перемоловъ хлѣбъ на паровыхъ мельницахъ, а взамѣнъ этого развезли по деревнямъ и селамъ наряды, самовары, гармоники, сапоги съ калошами, суконныя поддевки и другіе предметы роскоши, въ былое время невѣдомой и ненужной народу. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ, а отчасти, конечно, и нѣкоторыхъ другихъ причинъ, сталъ съ ужасающей быстротой увеличиваться и расти классъ преимущественно городского народнаго пролетаріата, — людей, отбившихся отъ работы, а иногда (вслѣдствіе различныхъ вліяній сложной новѣйшей культуры) и сдѣлавшихся неспособными къ ней, различныхъ «погибшихъ», «бывшихъ» и т. п. людей, или «босяковъ», въ самое послѣднее время нашедшихъ себѣ такого яркаго изобразителя и даже, можно сказать, пѣвца въ лицѣ Максима Горькаго.

Вотъ какъ изображаетъ вліяніе фабрично-заводской промышленности на народную нравственность г. Случевскій въ poemъ «Онъ и Она»:

...Сдѣлана сдѣлка, и куплень заводъ.

Началъ хозяйничать черный народъ;

Вскинулись пламенемъ страсти людей;

Много родилось въ нихъ разныхъ страстей;

Мѣсяць одинъ не успѣлъ миновать, —

Начали люди людей угнетать...

Ходятъ машины, гудить маховикъ;

Злобствуетъ смазчикъ, сердить истопникъ.

Слабый слабѣетъ, а сильный силенъ,

Тотъ слабоумень, а этотъ — умень.

Люди конторы и люди пера

Ближе къ хозяйству и къ счету добра.

Злоба и зависть, притворство и лѣнь

Быстро плодятся вокругъ, что ни день.

Скоро убійства, отравы пошли:

Тутъ изувѣчили, тамъ извели...

«Чужая культура,—писалъ недавно и г. Меншиковъ¹⁾,—сдѣлалась механизмъ для выжиманія изъ народа ея средствъ и силъ... Она вводитъ сразу тысячу новыхъ потребностей безъ легкой возможности ихъ удовлетворенія и потому каждая такая потребность является соблазномъ,—явленіемъ, психологическая природа котораго ужасна... Соблазнъ чужого дѣйствуетъ какъ сладкій ядъ, покоряя себя и разстраивая весь душевный міръ». Светло в глупости и «Глухіе обломки старой жизни,—писалъ недавно одинъ изъ либеральныхъ журнальных обозрѣвателей,—съ каждымъ днемъ все дальше и глубже отходятъ въ область преданія; явтъ ихъ больше; и въ нихъ забрался хищникъ: развелъ свои костры, сжегъ на нихъ все древнее благочестіе, подкопался подъ устои, опрокинулъ и растопталъ ихъ и водворилъ свою голодную, жадную, хищническую жизнь... Процессъ «капитализаціи» общественныхъ отношеній является прежде всего процессомъ ихъ разложенія... Мельчаетъ духъ, устремившій всѣ свои силы на пріобрѣтеніе рубля и полтинника»...

«Живутъ себѣ люди мирно и тихо, среди извѣстныхъ, сложившихся и даже окаменѣвшихъ устоевъ, которымъ, казалось бы, и навѣки такими предназначено оставаться, и вдругъ налетаютъ на нихъ грозныя силы въ видѣ чужунки, капиталовъ и новыхъ вѣяній, и во мгновеніе ока отъ прежняго благополучія не остается и слѣда. Наступаетъ моментъ шалости, тихіе начинаютъ буянить, звѣрь просыпается въ самыхъ благонадежныхъ, другіе каменѣютъ; а среди невообразимаго хаоса и путаницы начинаютъ

¹⁾ «Три стихіи». «Книжки Недѣли» 1900 г. № 3, стр. 224 и дал.

дымить фабричныя трубы, возникаютъ винокуренныя и иныя заводы, парходныя пристани и желѣзнодорожныя станціи. Жизнь переворачивается вверхъ дномъ, и чума-зый орудуешь,—не смѣхотворный какой-нибудь чумазый, а могущественный, грозный и властный. Ничего не понимаютъ люди стараго порядка и лишь съ недоумѣніемъ спрашиваютъ себя: да какъ же это такъ? Чтѣ за пестрыя, поражающія и исполненныя всякихъ катастрофъ и неожиданностей картины вырисовываются на этомъ, освѣщенномъ заревомъ далекаго и страшнаго пожара — рубежѣ двухъ эпохъ, двухъ жизней. Совершая свои подвиги и безобразія на поверхности и все болѣе убѣждаясь въ своемъ могуществѣ, капиталъ забирается и въ души людей... Люди, захваченные стихійнымъ процессомъ — одни легко и быстро приспособляются, другіе переживаютъ внутренній мучительный процессъ разложенія прежняго духовнаго чело-вѣка и формировація новаго. Лишь немногіе остаются въ сторонѣ...¹⁾

Но настоящимъ бытописателемъ этого духовнаго и матеріальнаго оскуднѣнія и разоренія русскаго народа со времени шестидесятыхъ годовъ 19-го столѣтія является г. Маминъ-Сибирякъ (Маминъ). Съ необыкновенною обстоятельностью и съ самымъ мрачнымъ, безотраднымъ пессимизмомъ онъ въ своихъ романахъ: «Золото»²⁾, «Хлѣбъ», «Приваловскіе милліоны» и въ многочисленныхъ разсказахъ, преимущественно уральскихъ, изображаетъ эту поразительную катастрофу, причемъ нашествіе капитала (напр., приходъ старика Коробова въ романѣ «Хлѣбъ») рисуется у него прямо въ видѣ шествія какой-то могущественной нечистой силы, все опрокидывающей, давящей и сокрушающей однимъ своимъ появленіемъ³⁾. — Очень

¹⁾ Альбовъ о Маминѣ-Сибирякѣ (*Жизнь* декабрь 1900 г.).

²⁾ Растлѣвающее вліяніе денегъ на народъ было еще раньше изображено въ романѣ г. Потѣхина „Около денегъ“.

³⁾ О Маминѣ, какъ бытописателѣ народнаго разоренія, см. статью

хорошо изображенъ старый строй жизни и смѣна его новымъ по отношенію къ народу въ «Разсказахъ о прошломъ» г. Елпатьевского (*Русская Мысль* 1901 г.), у гг. Энгельгардта, Эртеля и другихъ.

Но народный пролетаріатъ, въ особенности увеличившійся въ послѣднія десятилѣтія, до самаго послѣдняго времени былъ очень мало изучаемъ и изображаемъ въ литературѣ. Даже писатели-народники, за исключеніемъ развѣ только Помяловскаго и Рѣшетникова, мало его касались; больше всего занимался имъ Левитовъ, да и тотъ болѣе въ юмористическомъ тонѣ, и лишь въ самое послѣднее время появились: г. Свирскій, посвятившій свою литературную дѣятельность различнаго рода «погибшимъ людямъ» и Алексѣй Пѣшковъ (Максимъ Горькій), создавшій, опозитизировавшій и прославившій въ литературѣ типъ русскаго «босняка».

Босякъ—это человѣкъ (преимущественно) изъ народа, ненавидящій, презирающій и не переносящій никакого самоограниченія или стѣсненія, въ чемъ бы оно ни выражалось, а признающій одну только свободу. Трудъ, всякаго рода стѣсненіе, подчиненіе кому бы или чему бы то ни было, помощь ближнему—все это одинаково ненавистно босяку.

«Смѣшные люди,—резонируетъ одинъ изъ героев Горькаго Макаръ Чудра въ разсказѣ того же имени, —сбились въ кучу и давятъ другъ друга, а мѣста на землѣ вонъ сколько. И все работаютъ. Зачѣмъ, кому? Никто не знаетъ. Видишь, какъ человѣкъ пашетъ, и думаешь: вотъ онъ по каплѣ съ потомъ силы свои источить на землю, а потомъ ляжетъ въ нее и сгніетъ въ ней. Ничего по немъ не останется, ничего не видитъ съ своего поля и умираетъ, какъ родился, дуракомъ. Что жъ, онъ родился затѣмъ что ли, чтобы поковырять землю да и умереть,

„Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка“ (*Миръ Божій* 1899 г. №№ 1 и 2).

не успѣвъ даже и могилы самому себѣ выковырять? Вѣдома ему воля? Ширь степная понятна? Говоръ морской волны веселить ему сердце? Эге! Онъ рабъ,—какъ только родился, и во всю жизнь рабъ, да и все тутъ! Чтò онъ съ собою можетъ сдѣлать? Только удавиться, коли поумиѣетъ немного».

«Босякъ, — говоритъ г. Андреевичъ въ своей статьѣ о Горькомъ («Очерки текущей русской литературы» — «Жизнь» 1900 г. іюнь), — не терпитъ товарищества и предпочитаетъ одиночество... Онъ хочетъ быть вольной птицей, чтобы ничего не терять, ничего отъ жизни не ждать, ни на что не надѣяться, ничего не жалѣть. У него коренное пренебреженіе къ жизни вообще. Босяка всегда куда-то тянетъ, къ чему-то смутному и неопредѣленному». Ко всѣмъ остальнымъ людямъ босякъ относится съ презрѣніемъ и злобой. Это въ своемъ родѣ «сверхчеловѣкъ». Вотъ, напр., какъ въ разсказѣ «Бывшіе люди» разсуждаетъ аристархъ этихъ людей, ротмистръ Аристидъ Кувалда (босякъ вообще любитъ поразсуждать и пофилософствовать):

«Такъ что? Я—бывшій человѣкъ... такъ? Я отверженъ—значить, я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ... Значить, я могу наплевать на все! Я долженъ, по роду своей жизни, отбросить въ сторону все старое... всѣ манеры и приемы отношеній къ людямъ, существующимъ сыто и нарядно и презирающимъ меня за то, что въ сытости и костюмѣ я отсталъ отъ нихъ... и я долженъ воспитать въ себѣ что-то новое — понялъ? Такое, знаешь, чтобы мимо меня идущіе господа жизни, при видѣ моей представительной фигуры,—трепетъ хладный въ печенкахъ ощущали». «Насъ не жаль никому... ну, и намъ жалѣть некого», — говоритъ Луневъ въ повѣсти Горькаго «Трое».

Еще опредѣленнѣе разсуждаетъ сапожникъ Орловъ («Супруги Орловы»), — по нашему мнѣнію — наиболѣе типичный изъ босяковъ и самый яркій типъ у Горькаго (нѣкоторыя выраженія мы здѣсь опускаемъ):

«...И по сую пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ, вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное и больше ничего! И потомъ внизъ головой и... вдребезги! Н-да-а!.. Скучно! И ахъ какъ тѣсно и скучно мнѣ жить!.. Думалъ я, сбросивъ съ шеи жену:—н-ну, Гриня, плавай свободно, якорь поднять! Анъ не тутъ-то было — фарватеръ мелокъ! Стопъ! И сижу на мели... Но не обсохну, небось! Я себя проявлю! Какъ?—это одному д... извѣстно... Жена? Ну ее ко всѣмъ ч...! Развѣ такимъ, какъ я, жена нужна? На кой ее... когда меня во всѣ четыре стороны сразу тянетъ. Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ... и судьба моя—быть босякомъ! Самое лучшее положеніе въ свѣтѣ—свободно и... тѣсно все-таки! Ходилъ я и ѣздилъ въ разныя стороны... никакого утѣшенія... Пью? Конечно, а какъ же? Все-таки водка — она гаситъ сердце... А горитъ сердце большимъ огнемъ... Противно все — города, деревни, люди разныхъ калибровъ... Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя? Всѣ другъ на друга... такъ бы всѣхъ и передушили! Эхъ, ты жизнь, дьявольская ты премудрость!..»

Да. Какъ ни храбрится и ни буянить босякъ,—все же у него иногда бываетъ очень тяжело на сердцѣ,—и удалъ не помогаетъ. Настоящую философію отчаянія проповѣдуетъ въ разсказѣ Горькаго «Тоска» босякъ Безрукій:

«Все въ порядкѣ, ныть и плакать не стоить — ни къ чему не поведетъ. Живи и ожидай, когда тебя изломаетъ, а если изломало уже,—жди смерти. Только и есть на землѣ всѣхъ умныхъ словъ»...

«Родился человѣкъ невѣдомо зачѣмъ, живетъ, не знаю для чего, смерть придетъ—все порветъ. Стало быть, прежде всего надо узнать, къ чему я опредѣленъ... Жилъ я плохо, въ обидахъ и огорченіяхъ, радостей же не было въ жизни

моей. Все ждалъ, когда радости будутъ. И вотъ — поми-
раю... Зачѣмъ жить? Отгадай... Нашъ братъ до тла ограб-
ленъ. Чего ни коснись—все не про насъ... Я всю жизнь
мою, съ десяти лѣтъ, работаю тяжелую работу. Позвольте
мнѣ за это жить»... (сторожъ въ повѣсти Горькаго «Трое»).

Въ столь же безотрадномъ видѣ изображается народъ,
вкусившій отъ новой культуры, и именно постольку, по-
скольку онъ вкусилъ отъ нея, и въ двухъ превосходныхъ
повѣстяхъ Чехова: «Мужики» и въ особенности «Въ
оврагѣ», гдѣ ужасный типъ, выведенный въ лицѣ крестъ-
янки Аксиньи, представляетъ собою такое совершенное
воплощеніе «сверхчеловѣка» Ницше, что имъ залюбовался
бы даже и этотъ послѣдній. На эту же тему иллюстрацію
представляетъ и «Власть Тьмы» гр. Л. Толстого, а также
очерки и типы современной деревни, подъ общимъ загла-
віемъ «Господа крестьяне» г. Круглова, драматическія
произведенія Евг. Карпова и др.

Все это—пасынки новой культуры, «люди въ отставкѣ»,
по выраженію героевъ М. Горькаго. Нужно, впрочемъ,
сказать, что не у всѣхъ писателей, изображающихъ столк-
новеніе деревни съ городскою культурою, выведены одни
лишь отрицательные типы. Идеализація эта въ особенности
замѣтна у М. Горькаго. Уже его Тома Гордѣевъ хотѣлъ
бы быть человѣкомъ, и уже не его, а среды, его окружа-
ющей, вина, что онъ такъ и не можетъ имъ сдѣлаться.
Это же стремленіе замѣтно и у героевъ его послѣдней
повѣсти «Трое».

Х. Современное безволіе.

Нравственный образъ, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ
и цѣлаго общества, складывается изъ убѣжденій, нравствен-
ныхъ качествъ и степени энергіи, или собственно харак-
тера, воли, съ какою проявляются убѣжденія и нравствен-
ныя качества. Мы говорили объ убѣжденіяхъ и нравствен-
ныхъ качествахъ современнаго общества, — теперь ска-
жемъ и о волѣ и энергіи въ этомъ обществѣ.

Выше мы упоминали о культѣ своей личности, своего я въ современномъ обществѣ и о совершенной безпринципности, безволіи и объ отсутствіи сколько-нибудь руководящихъ и задерживающихъ началъ, обнаруживающемся съ поразительною силою въ этомъ же обществѣ, вслѣдствіе чего и въ убѣжденіяхъ и въ поступкахъ современнаго общества царить величайшій хаосъ. Безхарактерность и безволіе общества и отсюда неизбежная разочарованность—стали фактомъ настолько крупнымъ и явленіемъ настолько замѣтнымъ, что на него давно обратили вниманіе и литература и печать; въ послѣднее же время они нашли себѣ изображеніе преимущественно въ произведеніяхъ г. Антона Чехова.

Какъ Маминъ-Сибирякъ посвятилъ себя изображенію рокового процесса разложенія, подъ вліяніемъ новой культуры, стариннаго народнаго строя, такъ Чеховъ, столь же безотрадный пессимистъ, сдѣлалъ своею спеціальностью изображеніе современнаго безволія, безпринципности, разочарованности и всевозможныхъ современныхъ «сумерекъ духа». Еще въ болѣе раннихъ своихъ разсказахъ, подъ общимъ заглавіемъ «Скучные люди», въ разсказѣ «Скучная Исторія», въ разсказѣ «Палата № 6», въ повѣстяхъ: «Дуэль», «Три года», «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка» и другихъ и въ особенности въ драматическихъ произведеніяхъ: «Ивановъ», «Дядя Ваня» и «Три сестры», — онъ вывелъ цѣлую галерею всевозможныхъ умственно и нравственно разслабленныхъ, безвольныхъ, безхарактерныхъ и вслѣдствіе этого глубоко страдающихъ и несчастныхъ людей. Таковы: старый профессоръ Николай Степановичъ въ «Скучной Исторіи», Лаевскій въ «Дуэли», герой «Разсказа неизвѣстнаго человѣка», докторъ въ «Палатѣ № 6», литераторъ Тригоринъ и Константинъ Треплевъ, молодой человѣкъ, неудачникъ и разочарованный въ комедіи «Чайка», сестры Прозоровы («Три сестры»), скучающія по Москвѣ, по которымъ вездѣ будетъ скучно, и многіе, многіе другіе,—и въ особенности «Ивановъ» и «Дядя Ваня».

Крайне тенденціозныя названія этихъ драматическихъ произведеній Чехова показываютъ, что, по мнѣнію автора, люди, выведенные имъ здѣсь, такъ же часты и обыкновенны въ обыденной жизни, какъ часты и обыкновенны въ ней Иваны и Ивановы. Вотъ нѣкоторыя изъ разсужденій Иванова, которыми переполнена вся эта драма:

«Нехорошій, жалкій и ничтожный я человѣкъ... Какъ я себя презираю, Боже мой. Какъ глубоко ненавижу я свой голосъ, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли... Утомился, не вѣрю, въ бездѣльи провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги. Имѣніе идетъ прахомъ, лѣса трещать подъ топоромъ. Земля моя глядитъ на меня какъ сирота. Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожить отъ страха предъ завтрашнимъ днемъ... Что же со мною? Въ какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мнѣ эта слабость? Что стало съ моими нервами?... Я умираю отъ стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человѣкъ, обратился не то въ Гамлета, не то въ Манфреда, не то въ лишніе люди. Это возмущаетъ мою гордость, стыдъ гнететъ меня, и я страдаю. Прежде я много работалъ и много думалъ, но никогда не утомлялся; теперь же ничего не дѣлаю и ни о чемъ не думаю, а усталъ тѣломъ и душою. День и ночь болитъ моя совѣсть; я чувствую, что глубоко виновать, но въ чемъ собственно моя вина, не понимаю. И если бы можно было издѣваться надъ самимъ собою въ тысячу разъ сильнѣе и заставить хохотать весь свѣтъ, то я бы это сдѣлалъ! Взглянулъ я на себя въ зеркало—и въ моей совѣсти точно ядро лопнуло. Я надсмѣялся надъ собою и отъ стыда едва не сошелъ съ ума. Если неглупый, образованный и здоровый человѣкъ безъ всякой видимой причины сталъ пѣть Лазаря и покатилъ внизъ по наклонной плоскости, то онъ катитъ уже безъ удержа и нѣтъ ему спасенія... Надорвался я! Въ 30 лѣтъ уже похмелье, я старъ, я уже надѣлъ халатъ. Съ тяжелой головой, съ лѣнивой душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ

любви, безъ цѣли, какъ тѣнь слоняюсь я между людей и не знаю, кто я, зачѣмъ живу и чего хочу? И мнѣ уже кажется, что любовь — вздоръ, ласки притворны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсни и горячія рѣчи пошлы и стары. И всюду я вношу съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни. Погибъ безвозвратно!.. О, какъ возмущается во мнѣ гордость, какое душилъ меня бѣшенство! Эка, какъ я уходилъ себя, раздавилъ своими ничтожными подвигами! Даже шатаюсь... Ослабѣлъ я»...

И какія нечеловѣческія усилія ни употребляетъ, чтобы спасти его, влюбленная въ него Саша Лебедева, — ничто не помогаетъ: Ивановъ застрѣливается — предъ самымъ вѣнчаньемъ съ нею.

Совершенно въ этомъ же родѣ и «Дядя Ваня» (Иванъ Петровичъ Войницкій), съ тою только разницей, что насколько Ивановъ растерянъ и грустенъ, настолько Войницкій озлобленъ на эксплуатирующаго его профессора Серебрякова, озлобленъ до того, что кидается даже на него съ револьверомъ.

«Днемъ и ночью, — жалуется онъ, — точно домовой, душилъ меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлаго нѣтъ, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелѣпости... Пропала жизнь! Я съ ума схожу... Въ хорошую погоду хорошо повѣситься... Мнѣ 47 лѣтъ; если я, положимъ, проживу до 60-ти, то мнѣ остается еще 13. Долго! Какъ я проживу эти 13 лѣтъ? О, если бы можно было прожить остатокъ жизни какъ-нибудь по новому. Проснуться бы въ ясное тихое утро и почувствовать, что жить ты началъ снова, что все прошлое забыто, разсѣялось какъ дымъ... Начать новую жизнь... подскажи мнѣ, какъ начать, съ чего начать»...

«Всѣ они, наши добрые знакомые, — резонируетъ въ томъ же «Дядѣ Ванѣ» докторъ Астровъ, — мелко мыслятъ, мелко чувствуютъ и не видятъ дальше своего носа — просто напросто глупы. А тѣ, которые поумнѣе и покрупнѣе, истеричны, заѣдены анализомъ, рефлексомъ... Эти

любви, безъ цѣли, какъ тѣнь слоняюсь я между людей и не знаю, кто я, зачѣмъ живу и чего хочу? И мнѣ уже кажется, что любовь — вздоръ, ласки притворны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсни и горячія рѣчи пошлы и стары. И всюду я вношу съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни. Погибъ безвозвратно!.. О, какъ возмущается во мнѣ гордость, какое душитъ меня бѣшенство! Эка, какъ я уходилъ себя, раздавилъ своими ничтожными подвигами! Даже шатаюсь... Ослабѣлъ я»...

И какія нечеловѣческія усилія ни употребляетъ, чтобы спасти его, влюбленная въ него Саша Лебедева, — ничто не помогаетъ: Ивановъ застрѣливается — предъ самымъ вѣнчаньемъ съ нею.

Совершенно въ этомъ же родѣ и «Дядя Ваня» (Иванъ Петровичъ Войницкій), съ тою только разницей, что насколько Ивановъ растерянъ и грустенъ, настолько Войницкій озлобленъ на эксплуатирующаго его профессора Серебрякова, озлобленъ до того, что кидается даже на него съ револьверомъ.

«Днемъ и ночью, — жалуется онъ, — точно домовой, душитъ меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлаго нѣтъ, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелѣпости... Пропала жизнь! Я съ ума схожу... Въ хорошую погоду хорошо повѣситься... Мнѣ 47 лѣтъ; если я, положимъ, проживу до 60-ти, то мнѣ остается еще 13. Долго! Какъ я проживу эти 13 лѣтъ? О, если бы можно было прожить остатокъ жизни какъ-нибудь по новому. Проснуться бы въ ясное тихое утро и почувствовать, что жить ты началъ снова, что все прошлое забыто, разсѣялось какъ дымъ... Начать новую жизнь... подскажи мнѣ, какъ начать, съ чего начать»...

«Всѣ они, наши добрые знакомые, — резонируетъ въ томъ же «Дядѣ Ванѣ» докторъ Астровъ, — мелко мыслятъ, мелко чувствуютъ и не видятъ дальше своего носа — просто напросто глупы. А тѣ, которые поумнѣе и покрупнѣе, истеричны, заѣдены анализомъ, рефлексомъ... Эти

ноють, ненавистничаютъ, болѣзненно клеветаютъ, подходятъ къ человѣку бокомъ, смотрятъ на него искоса и рѣшаютъ: о, это психопатъ! или: это фразеръ».

Въ превосходной повѣсти Апухтина «Дневникъ Павлика Дольскаго» выведенъ, въ лицѣ этого послѣдняго, типъ неудачника, добраго и неглупаго, но пустого, безхарактернаго и безвольнаго человѣка, который страдаетъ именно благодаря своему безволю и всю жизнь до старости остается на какомъ-то полудѣтскомъ положеніи. Заболѣвъ, онъ самъ себя пишетъ некрологъ:

«Жилъ-былъ человѣкъ, котораго родные и знакомые называли Павликомъ Дольскимъ. Онъ не сдѣлалъ особеннаго зла, но и добра у него было немного. Былъ онъ, по правдѣ сказать, довольно пустой человѣкъ. Но мнѣ все-таки жаль этого бѣднаго Павлика, котораго, не спросивъ его, вышвырнули на свѣтъ и, не спрашиваясь его, убираютъ отсюда». — Эта же мысль выражена и въ замѣчательномъ стихотвореніи Апухтина «Requiem».

То же безволие и недостаткъ жизненной энергіи отмѣчаетъ литература и у молодежи. Въ романѣ Боборыкина «Переваль» завѣдующій земляческою кассой студентъ Владиміръ Мечъ отравляется—изъ-за того, что на студенческой сходкѣ кто-то заподозрилъ его добросовѣстность въ раздачѣ пособій изъ кассы землячества. «Изъ-за этой, по видимому, пустяковщины, говоритъ онъ, — выглянулъ на меня цѣлый безконечный рядъ пошлостей, измѣнъ, нахальства, попиранія всего, что не освящено расовою враждою и торжествующимъ бездушіемъ».

Безволие, дряблость воли—отличительная черта героинь романовъ г. Гнѣдича. Катя Осоргина въ романѣ «Китайскія Тѣни», Наташа въ повѣсти «Ноша міра сего», Зинаида Бахарева въ пов. «Туманы», Мери въ ром. «Купальные Огни»—все стремятся и къ личному счастью и къ дѣятельности на пользу другихъ и не могутъ достигъ ни того, ни другого.—даже и тогда, когда все препятствія устранены. Наиболее яркій, въ смыслѣ безволия и разо-

чарованности, типъ представляетъ послѣдняя изъ нихъ, Мери.

«Вы можете мириться съ окружающимъ, — говорить она, — а я нѣтъ. Вы еще вѣрите людямъ, а я не вѣрю. Я не вѣрю никому и ни во что. Я не вѣрю даже вашимъ словамъ. Я не вѣрю въ любовь, не вѣрю честности, не вѣрю въ благородство людей... Я очень несчастная. Я вижу всюду лицемѣріе и двоедушіе. Я вижу всюду только одни паденія. Я не вѣрю ни въ бракъ, ни въ возможность искренняго, честнаго союза между мужчиной и женщиной... У меня какое-то внутреннее убѣжденіе, что долга нѣтъ, что это выдуманно людьми, что ускоряя смерть, мы помогаемъ природѣ»...

Одинъ изъ современныхъ критиковъ (Пл. Красновъ) называетъ эту особенность героини Гяфдича «святимъ безпокойствомъ»; намъ же кажется, что это просто нравственная дряблость.

«Жизнь изсякла», «вынута душа», «потемки души», «осадокъ жизни», «нечѣмъ жить» и т. п. — вотъ ходячія выраженія литературы и печати нашего времени и даже названія литературныхъ произведеній.

Вотъ плоды и слѣдствія новой культуры, новой морали.
По плодамъ ихъ узнаете ихъ (Матѣ. 7, 16, 20).

Заключеніе.

Мы обозрѣли пеструю и причудливую картину господствующихъ, другъ другу противоположныхъ и другъ друга вытѣсняющихъ, ученій, наиболѣе выпуклые и преобладающіе типы представителей и представительницъ новой культуры, новой морали, въ различныхъ ихъ видоизмѣненіяхъ, и видѣли, что даже либеральные писатели относятся къ большинству ихъ отрицательно. Но намъ могутъ сказать: правда, плохи, въ большинствѣ, эти герои; но вѣдь

и люди прежней культуры, люди вѣры, всегда ли оказывались и оказываются лучше и выше ихъ? Развѣ среди нихъ мы не видимъ, и та же литература не изображала и не изображаетъ, отрицательныхъ типовъ? Правда. Но, во-первыхъ, новая культура слишкомъ смѣло выступила въ жизнь, слишкомъ громко провозгласила свое всемогущество, слишкомъ увѣренно обѣщала и обновить міръ, освободивъ его, отъ разныхъ, какъ она выражалась, затхлыхъ и отжившихъ предразсудковъ, и вернуть его къ золотому вѣку морально разумнаго эгоизма. А между тѣмъ гдѣ же исполненіе этихъ обѣщаній, гдѣ плоды этой культуры? Плоды эти, какъ мы видѣли, оказываются очень горькими. Много ли времени существуетъ новая культура, а уже большинство ея чадъ разочаровалось въ ней. Надолго ли хватило у нихъ новыхъ идеаловъ, и долго ли держится въ молодежи, при соприкосновеніи съ жизнью, ея благородство? Не напоминаетъ ли она того еврейскаго царя, который на просьбу народа облегчить наложенныя на него его отцомъ тяготы отвѣтилъ ему: «если отецъ мой обременялъ васъ тяжкимъ игомъ, то я увеличу иго ваше; отецъ мой наказывалъ васъ бичами, а я буду наказывать васъ скорпіонами» (3 Царствъ, 12, 11, 15)? Во-вторыхъ. Новая культура строила на готовомъ основаніи, сѣяла на почвѣ, разрыхленной и удобренной христіанствомъ, политой кровью христіанскихъ мучениковъ. У нея доселѣ даже терминологія христіанская,—она не успѣла еще выработать собственной терминологіи и постоянно сбивается на христіанскіе термины. А что же было бы, если бы она имѣла дѣло съ дѣвственною почвой? И все-таки ея дѣло не стоитъ, а разваливается, она не могла, не въ силахъ вдохнуть силы, мощи и стойкости въ своихъ послѣдователей. Во имя чего же, спрашивается, отторглась новая культура отъ церкви и христіанства и такъ опрометчиво и такъ задорно осудила и оплевала ихъ? Не наука здѣсь виновата, потому что науку и саму заставляли и заставляютъ поддѣлываться подъ господствующія воззрѣнія и

теченія. На отвращеніе отъ христіанства образовалась своего рода мода, и нужно бываетъ теперь не малое мужество, чтобы не послѣдовать ей и не стыдиться и не отрицаться предъ обществомъ своей приверженности къ христіанству. — А народу что принесла новая культура? Она старалась и старается вытравить изъ него «предразсудки» христіанства, но что же, какъ не христіанство, создало культуру, просвѣтило народный разумъ, смягчило его сердце, измѣнило его звѣриный нравъ, превратило сердце эгоистическое въ сердце всескорбящее? Недаромъ Ницше обвиняетъ христіанство въ созданіи всего современнаго, альтруизма и цивилизаціи и современные демократическіе принципы называетъ наслѣдіемъ христіанства. И что дала взамѣнъ вѣры и христіанскаго благочестія народу новая культура? И что можетъ быть хуже народа безъ религіи? Безъ нея онъ превращается не только въ животное, но даже прямо въ звѣря. Нельзя одною рукою сѣять разумное, доброе, вѣчное, разрушая другую то, что народу такъ дорого, что переродило его, создало христіанскую культуру. Оттого и успѣха мало имѣютъ въ народѣ проповѣдники новой культуры, и народъ отвращается отъ нихъ, и они доселѣ, несмотря на всѣ свои усилія и даже жертвы, имѣютъ у него мало успѣха. Изъ юнѣшества усиленно стараются вытравить религіозныя понятія, ту чистую дѣтскую религіозность, которая трогаетъ и согрѣваетъ сердце даже и взрослого человѣка, напоминая ему свѣтъ лампадки у его постели, звона церковнаго колокола, встрѣчи праздниковъ, дѣтской молитвы съ матерью дома и въ церкви и т. п.

И что, напротивъ, могло бы быть лучше того, если бы интеллигенція вмѣстѣ, рука объ руку съ церковью, работала надъ просвѣщеніемъ народа; если бы церковь просвѣщала его разумъ и согрѣвала сердце свѣтомъ ученія Христова, а интеллигенція обогащала его умъ полезными знаніями? Что за чудное было бы это зрѣлище и какими бы поистинѣ дивными, великими и необыкновенными ре-

зультатами оно бы сопровождалось. Чтò, если бы наше юношество свой искренній пылъ и готовность служить народу обращало на служеніе истиннымъ интересамъ и нуждамъ народа, а не на увлеченія различными странными и уродливыми ученіями, смѣняющими другъ друга въ наши дни! Велика и обширна нива народная, много въ народѣ темноты, невѣжества и скорби, и всѣмъ, и церкви и интеллигенціи, хватить дѣла на этой нивѣ.

Христіанство общаетъ своимъ послѣдователямъ блага въ будущей жизни, а на эту жизнь, жизнь земную, смотритъ лишь какъ на временную, лишь какъ на переходную степень, какъ на приготовленіе къ будущей жизни, и потому не сулитъ въ ней какихъ-либо особенныхъ благъ. Новая же культура не можетъ сулить своимъ послѣдователямъ никакихъ другихъ благъ, кромѣ матеріальныхъ, земныхъ, а гдѣ они, эти блага?

Указываютъ на великіе успѣхи и открытія науки, на громадныя шаги въ области прогресса, различныхъ усовершенствованій и проч., на которые нѣтъ никакихъ намековъ въ Евангеліи, и говорятъ, что оно уже устарѣло для насъ, что мы выросли уже изъ пеленокъ христіанства, изъ «наивной теологической метафизики». Христіанство съ его міропредставленіемъ и нравственными задачами кажется нашему вѣку наивнымъ.

Но нельзя судить по одной блестящей поверхности; нужно показать, какія нравственныя приобрѣтенія достигнуты новою культурой. Виѣшніе успѣхи этой культуры могутъ быть еще болѣе блестящими; могутъ быть и, по всей вѣроятности, будутъ достигнуты наукой такіе успѣхи, которые даже и для настоящаго времени покажутся невѣроятными и предъ которыми настоящія приобрѣтенія науки покажутся, можетъ быть, лишь дѣтскими забавами,—но будетъ ли всѣмъ этимъ достигнуто благо человѣчества? Будетъ ли тогда людямъ лучше жить на землѣ? Нынѣшняя культура, по крайней мѣрѣ, не только этого не достигла, но даже, напротивъ, съ каждымъ ша-

гомъ въ своемъ поступательномъ движеніи все болѣе-болѣе умножаетъ и увеличиваетъ то, что называютъ прогрессомъ цивилизаціи, ея обратною стороною, ибо новая культура производитъ концентрацію, скопленіе капитала и, слѣд., и прочихъ земныхъ благъ въ немногихъ рукахъ, вокругъ немногихъ счастливицевъ ¹⁾, а большинство терпитъ такую вопіющую нищету, какой не знали наши предки. И эта нищета и нужда народная съ дальнѣйшимъ движеніемъ цивилизаціи все увеличивается и растетъ.

Истинная культура состоитъ не въ накопленіи матеріальныхъ благъ и вообще не въ матеріальной сторонѣ жизни, а въ просвѣщеніи разума и смягченіи сердца, потому что только тогда, только при такихъ условіяхъ, возможно и разумное распредѣленіе матеріальныхъ благъ. А эта культура—только одна, и нѣтъ и не можетъ быть другой. Эта культура дана намъ Евангеліемъ и въ Евангеліи, а ея носителями и насадителями были апостолы и христіанскіе проповѣдники и мученики. Ибо только христіанство и одно только оно указываетъ намъ твердыя основанія и даетъ средства для истиннаго блага. И не христіанство виновато въ томъ, что сыны вѣка сего отвращаются отъ него, а—духъ времени, преобладаніе земныхъ, плотскихъ интересовъ и страстей. Свѣтъ Евангелія всегда будетъ свѣтитъ превыше всякой земной культуры, при всѣхъ ея успѣхахъ, и никакая тьма его не обыметъ. Это великій, свѣтлый, священный огонь, который освѣщаетъ и согрѣваетъ, но не палитъ и не сушитъ, а современные болотные огоньки только обжигаютъ крылья тѣмъ, кто летитъ на нихъ. Сквозь туманъ и чадъ страстей, сквозь мракъ заблужденій всегда будутъ слышаться великія призывныя слова: *приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ* (Матѣ. 11, 28).

Свящ. Н. Колосовъ.

¹⁾ Современные марксисты этого именно и добиваются и говорятъ, что тогда крупные фабриканты будутъ заботиться о народѣ, чего однакоже въ дѣйствительности нѣтъ.